

5. Наконец, одной из главных причин чрезмерного расхода снарядов артиллерией ген. Карачан считал избалованность ее в первые два месяца войны безотказным удовлетворением ее требований на выстрелы *.

Батареи и парковые бригады избалованы; сколько бы они ни требовали, им давалось все беспрепятственно; они могли содержать свои запасы полностью, в их привычку вошло уже правило жить широко и расходовать безгранично.

Можно было привести лишь как исключительные случаи, когда парковые бригады временно не были пополнены, а с батарейными резервами подобного почти не случалось.

Естественно, что привычку широко пользоваться снарядами без ограничения их количества крайне трудно было изменить в сторону резкого сокращения, точно так же трудно было перейти к отказам после отсутствия снарядов.

Наконец, угроза, что не получишь ни одного парка больше того, что дано, не имело по существу ничего угрожающего, т. к. в каждой артиллерийской бригаде со своей парковой бригадой имелось более 20.000 патронов (по 428 на орудие), а потому она могла и после угрозы продолжать стрельбу и притом довольно интенсивно. Только после боя бригады предъявляли к пополнению свои пустые парки и заявляли о своей полной неспособности к бою. И тогда приходилось давать по целому парку на каждую бригаду или по 8 парков на армию в четыре корпуса.

В конце своего отчета ген. Карачан указывал ряд мер, принятие которых должно было, по его мнению, сократить расход снарядов, а именно:

1. Привлечь артиллерийских начальников к участию в боевой работе артиллерии, восстановить их права мирного времени; дать им возможность своевременными докладами соответствующим начальникам указывать на случаи неправильного применения в бою полевой артиллерии.

Особенно большие полномочия надлежит дать инспекторам артиллерии в корпусах, изменив соответственным образом положение о полевом управлении; эти начальники, будучи вновь привлечены к участию в боевой работе своей артиллерии, явятся несомненно отличными помощниками по артиллерийской части для своих командиров корпусов.

Командиры корпусов должны вменить в обязанность инспекторам артиллерии непосредственно ведать артиллерией корпуса в техниче-

* Все обучение и воспитание артиллеристов в довоенное время было проникнуто идеей бережливости снарядов. В приложенной к отчету ген. Карачана записке полк. Черепанова, между прочим, говорилось, что во время войны артиллеристы, отданные „в долгосрочную аренду пехоте“, потеряли „привычку бережливости“ под влиянием требований пехотных начальников, стремящихся „шумом своих орудий заглушить шум разрывающихся неприятельских снарядов“. Б.

В.-И. арх. Дело о докладах Упарта, связка 1482, стр. 357.

ском отношении и докладывать командиру корпуса о неправильностях тактического пользования ею. Командир артиллерийской бригады в таком же отношении должен находиться по отношению к своей бригаде и начальнику дивизии.

От командира дивизиона батарея может быть выделена только по особой к тому необходимости, о которой начальник дивизии должен всегда иметь точное объяснение. Командир дивизиона, как тактический руководитель своих батарей, должен уметь соразмерять расход снарядов с данной ему задачей, а потому он является первым ответчиком за продуктивность действия артиллерии.

Только при такой естественной организации возможно повысить продуктивность пользования артиллерией и понизить расход патронов.

2. Сократить число орудий в батареях с 8 на 6 и даже на 4 и за счет такого сокращения создать пушечную корпусную артиллерию.

3. Ввести в штабы Верховного главнокомандующего и главнокомандующих фронтов артиллерийских специалистов для общего руководства и установления однообразного характера требований от артиллерии.

4. Изменить положение о заведывающем артиллерийскою частью эо армии (об этом уже говорилось подробно выше).

В заключение ген. Карачан отмечает, что «особенно угрожающего положения в данное время нет. Почти все армии имеют подвижные запасы полностью, т.е. по 428 выстрелов на орудие, что, вероятно, может быть достаточным для продолжения войны в ноябре и декабре месяцах. В исключительных условиях, требующих немедленно помощи, находится 9-я армия».

Это относилось к концу ноября (отчет помечен 22 ноября), т.е. 4 месяца спустя после начала войны*.

Пришлось так подробно остановиться на отчете ген. Карачана потому, что после трехкратной его поездки в действующую армию (в сентябре, октябре и ноябре 1914 года) он являлся наиболее осведомленным, а к тому же и вполне беспристрастным оценщиком положения нашего артиллерийского дела на фронте; глубокие же познания его в артиллерии и его исключительные служебные качества, известные всему артиллерийскому миру, придавали особую цену его выводам и заключениям. И действительно, все, что потом сообщалось и писалось по этим вопросам, являлось только подтверждением в большей или меньшей степени высказанного П. П. Карачаном; и большинство последовавших затем реформ в этой области были в духе намеченных им мероприятий, а если некоторые из них, напр., о корпусной пушечной артиллерии, и не были своевременно осуществлены, то об этом можно только пожалеть.

* Опять противоречие с теми донесениями, которые были с фронтов после первого месяца войны: тогда раздавались вполне определенные вопли о полной катастрофе из-за снарядов, а тут после 4 месяцев оказывается что „особенно угрожающего положения нет“.

Итак, из отчета ген. Карачана явствует, что неправильное применение артиллерии, в связи с отсутствием надлежащего и единого руководства ею, было одной из главнейших причин чрезмерного, не вызывавшегося действительной нуждой, расхода боевых припасов в первый период войны. Кроме примеров общего характера, приведенных в отчете, полезно привести еще несколько конкретных фактов*, ярко иллюстрирующих то разудалое «командование» артиллерией, при котором не только зря расходовалась уйма снарядов, но также зря портились самые орудия. Факты эти относятся к позднему времени—к весне 1916 г., когда существовал полевой генерал-инспектор артиллерии с Упартом, но все его мероприятия по упорядочению артиллерийской части в действующей армии, о которых сказано выше, еще не успели пройти в жизнь.

Приводятся следующие распоряжения, относящиеся к действиям русской артиллерии во время операций 2-й армии на Западном нашем фронте.

I

КОМКОР I и XXVII АРМ. И 7 КАВАЛ., ИНСПАРТ. ГРУПП, НАЧДИВ I и 2 СИБ. КОПИЯ НАШТАРМ I и 2, КОМКОР IV СИБ., IV и XV АРМ.

Оперативная. Секретно. Г. дв. Воропаево. 5 марта 1916 г. 10 часов вечера. Карта 1 верста.

„Сегодняшняя атака не развилась и неприятель продолжает оборонять свои позиции. Я бесповоротно решил атаковать неприятеля до тех пор, пока не прорву его расположения.

Приказываю: первое, всей артиллерии вести наступающей ночью и с утра завтра 6 марта сосредоточенный огонь по строго указанным ей целям, усилив огонь к полудню до возможного и доведя его к двум часам дня до урагана“. Подписал *Плешков*.

II

КОМКОР I и XXVII АРМ., НАЧДИВ I и 2 СИБ., ИНСПАРТ ГРУПП, КОПИИ КОМКОР 4 СИБ., V и XV АРМ., НАШТАРМ I и II. НАШТАЗАП И ГЕНКВАРВЕРХ.

Оперативная. Секретно. Г. дв. Воропаево. 7—3—16 г. 11 час. 50 мин. утра.

Карта 1 вер.

„Несмотря на удачную ночную атаку сибирских полков, захвативших часть неприятельских окопов и пленных, неприятелю удалось, пользуясь некоторым замешательством правого фланга атаки, заставить нас очистить занятое было пространство. Немцы несомненно подвезли подкрепления,—я ввожу в бой 27 корпус, оставляя одну его дивизию в групповом резерве. Приказываю: первое, продолжать непрерывно артиллерийский огонь возможной силы; второе, когда скажутся результаты огня нашей артиллерии и по моему особому приказанию корпусам атаковать неприятеля:

1 арм. корпусу на участке от Вилейты до Микулишки включительно, 27 арм. на участке от Микулишки исключительно до Лапинского леса включительно“. Подписал *Плешков*,

* Несмотря на все усилия, собрать по этой части более обширный материал, это не удалось, так как не только не сохранились сколько-нибудь архивы строевых частей армии и фронтов, но и от архивов Ставки и центральных управлений военного ведомства уцелело сравнительно немного дел.

III

КОМКОР 1 и 27, 7 КАВ., НАЧДИВ, 6 ПЕХ., 1 и 2 СИБ., ИНСПАРТ ГРУПП, КОПИЯ КОМКОР V, XV и IV СИБ., НАШТАРМ 2 и I. НАШТАЗАП, ГЕНКВАРВЕРХ. Оперативная. Секретно. Срочно. Г. дв. Воропаево. 12--3--16 г. 4 ч. дня.

Приказываю:

Первое, к двум часам наступающей ночи 13 марта корпусам занять исходное положение для атаки; 6 пех. див. к тому же времени быть в районе между 1 и 2 проспектами, считая на западе от д. Мал. Волочки и вблизи и севернее дороги Микулишки, Мал. Волочки.

Второе, всей артиллерии в час ночи усилить огонь до возможного, к трем часам ночи довести огонь до урагана и тогда же перенести его на ближайший тыл неприятеля.

Третье, в три часа ночи, прикрываясь артиллерийским огнем, корпусам атаковать неприятеля“.

Подписал *Плешков*.

IV

НАЧАЛЬНИКУ 22 ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ.

Зосин, 8 марта, 4 часа 30 минут утра.

Спешно.

„Первое, с 4 часов утра должен вестись ураганный огонь; второе, в 5 часов утра должна начаться атака; третье, ожидается донесение о том, кто приказал вашим войскам вчера отходить“ 1140.

Подписал *Новицкий*.

Приведенные 4 телеграммы относятся к позиционному периоду мировой войны на русском Западном фронте, к неудачной для нас операции 5(18) — 15(28) марта 1916 г.

Произведенное полевым генерал-инспектором артиллерии расследование этой операции в артиллерийской части обнаружило, что, несмотря на продолжительный горький опыт войны, давший многие ценные указания и подтвердивший большинство основных положений боевого применения артиллерии, настойчиво проводимых в жизнь артиллерии еще в мирное время, — все же многие старшие общевойсковые и пехотные начальники и даже некоторые старшие артиллерийские начальники (инакоры) не умели целесообразно использовать могущество артиллерии при наименьшей затрате снарядов *.

Подобных примеров неправильного использования артиллерии и злоупотребления скорострельностью ее орудий мировая война дает не мало. Это может засвидетельствовать на основании личного опыта любой из артиллерийских начальников, участников минувшей войны. А кроме того, убедительное подтверждение сказанного имеется в отчете Особой комиссии об осмотре материальной части артиллерии в ноябре и декабре 1916 г. в Особой армии, рассмотренном в артиллерийском комитете ГАУ в 1917 г. Эта комиссия, составленная распоряжением инспектора артиллерии армии, засвидетельствовала в своем отчете (стр. 4, строки 14—16 снизу), что одной из причин прогрессирующего падения стойкости ору-

* Е. Барсуков. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении, стр. 194 и приложение IV.

дий является: «усиленная, продолжительная и скорая стрельба орудий, сопряженная с сильным их разгорячением — до красного накаливания». Комиссия считала, что такое злоупотребление скорострельностью орудий проявлялось особенно в 1915 и 1916 гг. Но в ГАУ имелись донесения и в самом начале войны (август—сентябрь 1914 г.) о том, что войсковыми начальниками требовалась такая продолжительная и скорая стрельба, что «случайно падавшая на тело орудия шапка орудийной прислуги загоралась, как в печке».

Можно себе представить, какой износ каналов происходит при таком накаливании орудий, что в связи с неизбежным при такой стрельбе понижением вообще тщательности ухода за орудием, особенно за состоянием его канала, приводит к преждевременному и значительному понижению баллистических качеств орудия. А ведь наша 76-мм пушка, с которой мы вступили в кампанию, — лучший и могущественнейший представитель орудий этого рода, и при не столь варварском с нею обращении от нее можно получить очень многое. И эти превосходные качества присущи нашей 76-мм пушке именно вследствие той огромной начальной скорости, какую получает снаряд при выстреле из нее; а эта скорость получается ценою больших давлений и высоких температур в канале орудия, которые и сами по себе уже являются достаточной причиной более или менее значительного износа канала. Поэтому всякая форсировка в этом направлении, как значительно сокращающая службу орудия, совершенно недопустима. И, конечно, ни один грамотный артиллерийский начальник не позволил бы себе подобного варварского насилия над пушкой без крайней к этому необходимости, и только под давлением категорических боевых приказаний, в роде приведенных выше, приходилось такую форсировку, допустимую лишь как редкое исключение, действительно оправдываемое обстановкой боя, ввести как общее правило и притом на целые часы непрерывной стрельбы. Неизбежным следствием такого порядка и было, с одной стороны, бестолковое распыривание снарядов и заведомая порча орудий, а с другой — развращение как пехоты, приучаемой к оглушительному, хотя бы и малорезультатному, грохоту артиллерии, без которого пехота не сдвинется с места, так и самой артиллерии, которая утрачивала при такой стрельбе самые драгоценные для нее качества — хладнокровие, точность наводки и бережное обращение со своей пушкой и вырабатывала у себя полное равнодушие к получаемым результатам стрельбы, как будто вся суть не в них, а лишь в числе выпущенных снарядов и в достигнутом звуковом эффекте. И действительно, плоды такого порядка сказались скоро: артиллеристы стали один перед другим гордиться прежде всего числом выпущенных снарядов, каковое число стало как бы единственным или, во всяком случае, главнейшим критерием для оценки боевых заслуг артиллерии*.

Справедливость требует, однако, отметить, что при всем том работа артиллерии была превосходна; это ей воздавали как свои, так и враги.

* Автор в этом отношении несколько увлекается и преувеличивает. Б.

Но ведь тут и удивительного ничего нет: пушка у нас была великолепная, снаряды также, обучение мирного времени — таковое же; вот потому-то с уверенностью можно утверждать, что при наличии всех этих данных блестящий боевой результат был бы вполне обеспечен и не было никакой необходимости прибегать к тому насилию над артиллерией, которое, не улучшая результатов, вызывало мотовство снарядов и преждевременный износ материальной части.

И ведь дело было так просто: стоило только ставить артиллерии определенные задачи, а как выполнять их — предоставить самим артиллерийским начальникам. Так ведь нет же: каждый войсковой начальник непременно хотел сам учить свою артиллерию, как ей надо стрелять, и при этом меньше чем на ураганном огне, да еще не иначе как в течение целых часов никак не мирился.

Когда, наконец, вред от такого «управления» артиллерией стал слишком очевиден, по инициативе полевого генерал-инспектора артиллерии из Ставки стали посылаться отдельные указания фронтам и армиям, которые потом были сведены во II части особого «Наставления» *, изданного в 1916 г. и потом переизданного в 1917 г. Во II части (артиллерийской) этого Наставления, разработанной Упартом, даны были подробные указания как по части техники действия артиллерии в разных случаях позиционной войны, так и по части ее подчинения и управления ею. В сопроводительном приказе Верховного главнокомандующего (от 23/IV 1917 г.) отмечается, что, по свидетельству самих строевых начальников, нарушение преподаваемых в «Наставлении» основных положений приводило нередко к кровавым неудачам. Так вот в статьях 131—135 этого «Наставления» сказано:

131. Действительность стрельбы достигается не безудержным расходом снарядов, а методическим ведением огня, целесообразным его распределением по заданному фронту, тщательным наблюдением каждого выстрела и производимого им разрушения.

132. Должно вывести из обихода «ураганный» и подобные ему виды огня, порождаемые беспокойным состоянием духа (в обход этого указания изобретают название «интенсивный», «напряженный», «барабанный» и т. п. огонь). Стрельба без ясно поставленной цели — преступная трата снарядов.

133. Стрельбу на разрушение ведут «орудиями» с возможно равными промежутками между выстрелами; батарейные очереди и залпы недопустимы. Такой огонь, методичный и длительный, действует на психику противника и дает возможность корректировать каждое орудие.

135. Для охлаждения орудий должно заготовить чистую воду и мокрые тряпки, чтобы покрывать ими стволы во время перерывов стрельбы. Если ствол обжигает руку, то канал проходят смоченным банныком или,

* В 1916 г. были изданы собственно «Общие указания для борьбы за укрепленные полосы, часть II, артиллерийская», переработанные в 1917 г. уже в уставное «Наставление для борьбы за укрепленные полосы».

подняв хобот и заткнув дуло, наливают водой и быстро промывают банником.

Ничего подобного не было у нас на фронте в течение почти двух лет войны. Поэтому и не удивительно, что непродуктивно тратилась масса снарядов и портилось много орудий.

Однако, собрать более или менее точные сведения о том, сколько же именно их тратилось у нас в среднем или максимально в разных случаях минувшей войны, так и не удалось, кроме как в отдельных, очень редких случаях, не дающих возможности составить общую картину этого расхода и проверить вышеприведенные данные «Справки» Упарта.

Единственный ценный в этом отношении документ, сохранившийся в делах ГАУ, это — сношение начальника Упарта к начальнику ГАУ от 28 июня 1916 г. № 971, в котором он указывает, что на основании опыта последних боев армий Юго-западного фронта получены следующие цифры ежедневного среднего расхода выстрелов на единицу оружия, с оговоркой, что при расходе соблюдалась экономия *.

76-мм легкая пушка	60
76-мм горная „	25
75-мм японская Арисака	40
122-мм гаубица	40
107-мм скоростр.	40
107-мм креп. 187 г.	20
152-мм гаубица	55
152-мм пушка в 120 п.	40
152-мм пушка в 200 п.	15
152-мм пушка Канэ	25
3-лин. винтовка	9

На основании этого опыта Упарт в июне 1916 г. для наличия 76-мм орудий, около 5 000 полевых и около 300 горных (правильнее считать всего около 5½ тыс. 76-мм орудий) заявил требование на 4½ миллиона выстрелов в месяц; а в январе 1917 г. тот же Упарт на Междусоюзнической конференции, исчисляя потребность на 1917 г., заявил требование всего на 3½ миллиона выстрелов в месяц. При этом Упартом же было заявлено: а) что по части этих выстрелов помощи от союзников не требуется, так как «годовая потребность удовлетворяется с избытком» и б) что к 1 января 1917 г. имеется у нас запас 76-мм выстрелов — 16 298 000 штук (см. отчет Конференции, приложение 2, стр. 1, 4 и 7; приложение 28, стр. 4 и приложение 30, стр. 6 и 7).

И действительно, к этому времени у Упарта в руках был уже весь материал по части расхода боевых припасов за весь период войны и особенно точный за 1916 г., причем Упарт, конечно, не сомневался в том, что присланные ему с мест сведения во всяком случае грешат преувеличением, а уж никак не преуменьшением. А так как при этом в 1916 г.

* Конечно только не по отношению к 76-мм выстрелам, которых был уже значительный избыток. А. М.

уже никакого стеснения в расходовании 76-мм выстрелов не было, то, значит, показанный расход за весь год, около 16,8 миллионов *, несомненно, превышал истинный **.

Исходя из этого годового расхода, для среднего месячного расхода получаем около 1 400 000 выстрелов, или округляя его, около 1,5 миллиона.

Как же после этого назвать требование Упарта 4½ миллионов в месяц (или 53 миллиона в год)? И с каким вообще доверием после этого можно было относиться и к остальным его требованиям? ***. А что такие требования были далеко не безобидного характера видно из того, что в это время уже ясно определился у нас голод во всякого рода сырье, особенно в металле и топливе, в оборудовании, в рабочих руках, в валюте, в тоннаже, а также стало уже прямо угрожающим все увеличивающееся расстройство транспорта.

И все бы это было еще ничего, если бы не несомненная и очевидная для всех нехватка тяжелой артиллерии и особенно выстрелов для нее, что было неизмеримо существеннее для армии и без чего в условиях твердо сложившейся позиционной войны нельзя было сделать буквально ни шагу.

Начальник ГАУ со времени образования Особого совещания по обороне не устал твердить и доказывать необходимость — прежде всего заботиться об удовлетворении потребности выстрелов для тяжелой артиллерии, хотя бы даже в ущерб полевой, но его доводы своевременно приняты во внимание не были и вспомнили о них только тогда, когда было уже поздно. Причиной такого отношения к тяжелой артиллерии было прежде всего то обстоятельство, что почти до конца 1915 г. и Ставка и фронты били тревогу почти исключительно на счет выстрелов для легкой артиллерии; а затем упорное нежелание наших заводчиков отказываться от столь выгодного, простого и уже налаженного производства, как производство 76-мм снарядов, и переходить на более сложное и трудное, а вместе с тем и более длительное и хуже оплачиваемое производство крупных снарядов, для которых нужны и более сильные прессы и более тяжелые станки. Особое совещание по обороне, долго не слыша о тяжелых снарядах такого же набатного боя с фронтов, какой шел о 76-мм снарядах, стало на сторону заводчиков, лицемерно уверявших в чистоте своих побуждений, и оставило на 76-мм снарядах все заводы, даже с очень мощным оборудованием, вполне пригодным и для крупных калибров.

Конечно, в этом важном деле могла и должна была поднять свой голос Ставка, но почти всю первую половину войны (1914 и 1915 гг.) в ней

* См. выше, стр. 202.

** Это заключение автора не имеет достаточных обоснований. Б.

*** Упарт требовал 4½ млн. на летние месяцы интенсивных боев по результатам весенних операций 1916 г., а когда выяснился расход выстрелов за весь 1916 г., Упарт к 1917 г. уменьшил требование до 3 млн. и даже до 2 400 000 в месяц (см. выше, стр. 183). Б.

не было не только компетентного в этих вопросах органа, но и отдельных специалистов, кроме кап. Старцева, влияние которого на эти дела было, конечно, ничтожно. Но затем с 1916 г. в Ставке образовался Упарт, и уж тут совершенно непонятно подобное его отношение к этому важнейшему вопросу, ибо Упарт ясно понимал, в чем дело и знал прекрасно все наступавшие в тылу затруднения и, видя, с каким трудом и как медленно идет увеличение подачи тяжелых снарядов, все же продолжал настаивать на таких огромных требованиях легких, как 4½ миллиона, хотя не мог не знать, что при этом нельзя готовить одновременно и достаточное количество тяжелых снарядов и что и одной трети требуемых легких было бы вполне достаточно для армии; а если бы даже Упарт и не знал всего этого, то уж, конечно, понимал — чем в данном случае можно и должно пожертвовать. Такая политика Упарта была тем более непонятна, что из недр его в начале июня 1916 г. вышла та «Записка» на имя верховного главнокомандующего *, в которой не только в мрачных красках, а прямо трагически изображено было наше положение по части транспорта, металла, топлива, рабочих, валюты, продовольствия и других предметов первой необходимости.

Правда, в этой записке указывалось на необходимость «сократить изготовление бомбометов, ручных гранат, за исключением наших артиллерийских образцов 1912 и 1914 гг., прочих вспомогательных средств

---

* По поводу исчисления потребности в выстрелах и прочих предметах боевого снабжения, представленной Междусоюзнической конференции в январе 1917 г., приводились объяснения в I томе этого труда. Там же и в этом томе (см. выше) неоднократно упоминалось о „Записке“, поданной царю наштаверхом в июне 1916 г. (кроме того, по поводу исчисления потребности 4½ млн. 76-мм патронов в месяц см. 3-ю выписку на предыдущей странице).

Автор сам не отрицает (см. на других страницах этого труда), что Упарт „бил тревогу“ и о тяжелых выстрелах, а не только о 76-мм. „Записка“ царю составлена была, главным образом, по поводу недостатка тяжелой артиллерии с выстрелами. Но при составлении „Записки“ Упарт не мог вовсе не беспокоиться и о 76-мм патронах, так как в мае 1916 г., когда составлялась „Записка“, в действующую армию было подано таких патронов вдвое меньше обещанного ГАУ (2 020 000 вместо 4 214 000).

В 1916 г. „глубокий тыл“ оставался самостоятельным и фактически не подчинялся Ставке, хотя возглавлял ее сам царь; поэтому не только Упарт, но даже наштаверх не были в силах прекратить в тылу „вакханалию“ с заготовлением 76-мм снарядов, оказавшихся самым выгодным „лакомым кусочком“ для заводчиков и прочей компании, греющих руки возле народного сундука.

Ставка могла только сократить норму ежемесячной подачи 76-мм выстрелов, что она и сделала с 1 января 1917 г., определив ее в 2 400 000 выстрелов (см. выше, стр. 83), хотя, быть может, действительно с опозданием.

Что же касается „трагического“ изображения нашего положения по части металла, топлива, рабочих, транспорта и проч., то оно изображено в составленной Упартом „Записке“ царю лишь после того, как начальнику Упарта стало об этом подробно известно от начальника ГАУ А. А. Маниковского, сообщившего о создавшемся положении в частном письме в мае 1916 года, а до того времени, если не вся Ставка в целом, то по крайней мере начальник Упарта имел далеко не полное и неясное представление об угрожающем развале тыла России, см. „Записку“ царю, приложение 29. Б.

борьбы и других предметов, имеющих второстепенное для армии значение, дабы освободить рабочие руки, станки, металл и двигатели для изготовления патронов, снарядов и главнейших предметов вооружения».

Но от всех этих сокращений экономия получилась бы ничтожная, да и почти все это и без того уже было сделано; а вот о существенном — о крупном сокращении 76-мм выстрелов — в записке не было сказано ни слова; напротив, именно в ней и указывалась необходимость их в 4½ миллиона в месяц.

Итак, можно считать, что в условиях, подобных тем, какие имели место у нас на фронте даже в 1916 г., 1½ миллиона в месяц или в среднем 9 выстрелов в день на 76-мм пушку было достаточно*. Конечно, надо иметь в виду, что все время речь идет о среднем расходе, на основании которого отнюдь нельзя говорить об отдельных эпизодах или о возможном максимуме или минимуме расхода. Ведь и в 1916 г. были на всех фронтах периоды очень напряженных боев: были прорывы, были разного рода и «заградительные», и «разрушительные», и «ураганные», и «барабанные» огни, — словом, что называется, купались в 76-мм снарядах, а все же израсходовали их неполных 17 милл. Конечно, в следующем году расход снарядов мог возрасти, но ведь к 1 января 1917 г. в остатке значилось более 16 миллионов 76-мм выстрелов — запас достаточный. Поэтому представлялась полная возможность расходовать в случаях нужды эти снаряды в том количестве, как это указывалось в приложении VII к «Наставлению для борьбы за укрепленные полосы», согласно которому на 10—12-дневную операцию исчислено от 1 200 до 1 500 выстрелов на 76-мм пушку, или по 120—150 в день. Как раз такие расходы и были, напр., в боях с 16 по 19 июня 1917 г. VI и XIX корпусов (когда на 76-мм пушку было израсходовано по 162 выстрела в день и снарядного бюджета это нисколько не нарушало).

Ну, а что по этой части дал опыт войны наших союзников?

К сожалению, достаточных сведений об этом мы не имели во время войны. Правда, к нам проникало немало всякого рода слухов, но именно только «слухов», достоверность которых была под большим сомнением. Можно указать на два, заслуживающих доверия: 1) письмо штаверха к военному министру от 13 апреля 1916 г. № 2076 и 2) справка «об артиллерии под Верденом», данная 5 августа 1916 г. членом французской военной миссии в России полковником французской артиллерии Ланглуа.

1) В письме своем штаверх сообщает военному министру, что согласно полученным им сведениям французы считают возможным при-

---

* В первом издании этого труда ошибочно было показано: „в среднем 30 выстрелов в день на 3-дм. пушку“, тогда как следовало показать 9 выстрелов в среднем в день на пушку. Действительно, при делении 1 500 000 (выстрелов) на 5 500 (пушек) и затем на 30 (дней) получим только около 9 выстрелов. Эта ошибка не была замечена ни автором, ни редактировавшим первое издание Н. Л. Владиславским; ошибочное число 30 принято было за верное, вследствие чего на последующих страницах первого издания делались несколько ошибочные выводы. В настоящем втором издании все это устранено. Б.

ступать к наступательной операции лишь тогда, когда количество выстрелов у них доведено:

На пушку	До
75-мм	7 200
90-мм	1 700
150-мм	2 000
95-мм	2 000
120-мм	1 700
155-мм	1 700
220-мм	1 000
Для более крупных	600

Продолжительность самой операции считается примерно 20 дней, в течение которых снаряды должны готовиться и подаваться к месту операции со всею интенсивностью.

2) В своей справке об операциях под Верденом полковник Ланглуа дает по части расхода выстрелов такие данные:

В период с 8(21) февраля по 3(16) июня, т.е. за 116 дней, израсходовано 1 072 участвовавшими со стороны французов полевыми пушками (75-мм, 80-мм и 90-мм), всего 10 642 800 выстрелов.

Это составило в среднем за значительный период (116 дней) по 87 выстрелов на пушку в день.

Значит, под Верденом французская полевая пушка (в числе около 1 000 орудий) тратила в среднем за означенный период почти в десять раз больше против нашего среднего же расчета *. Конечно, эта разница значительная; но при этом необходимо иметь в виду: во-первых, что указанная Верденская операция — исключительная как по своей напряженности, так и по значению ее во всей кампании; и, во-вторых, что у французов совершенно не было тогда орудий в роде наших полевых 48-лин. гаубиц, а потому задачи сих последних французы возлагали на полевые пушки, которым поэтому и приходилось стрелять значительно больше. Так что для сравнимости результатов надо брать у нас выстрелы к 3" пушкам и к 48-лин. и 45-лин гаубицам против французских 75, 80 и 90-мм, вводя при этом гаубичные снаряды с соответствующим коэффициентом (примерно, пропорционально кубу отношения калибров или отношению весов снарядов — и в том и в другом

* Если наш средний расчет принимать в 9 выстрелов в день на 76-мм пушку. Если же принимать не этот средний расчет, а выведенный Упартом на основании опыта весенних боев 1916 г. на нашем Юго-западном фронте, т.е. по 60 патронов на 76-мм пушку в день (см. выше, стр. 214), что было бы правильнее (средний расход за операцию и за весь год — данные не совместимые), то разница в расходе выстрелов на нашем фронте весной 1916 г. и на французском фронте под Верденом будет не столь значительной. Б.

случае это будет 3,5) *. После такой поправки первоначальная разница в расходе выстрелов у нас и у французов заметно уменьшится и если все же останется чувствительной, то потому, что как ни значительна Верденская операция, все же это отдельный эпизод, в котором участвовало лишь 1 000 полевых пушек, т.е. не более 20% от всего числа бывших у французов таких пушек, большинство которых во время верденских боев тратило выстрелов значительно меньше. А потому и средний результат для всех французских полевых пушек, конечно, будет куда меньше, чем для одних верденских пушек и, вероятно, не так уж много будет отличаться и от нашего.

Что же касается самой цифры верденского расхода — $10\frac{1}{2}$ миллионов выстрелов, то она, конечно, очень внушительна, но, с другой стороны, и для нас была вполне осуществима. Действительно, подсчитаем, что мы могли ожидать на 1917 г., если бы ограничили подачу пушечных 76-мм выстрелов 1,5 миллионами, а гаубичных 122-мм выстрелов — полумиллионом в месяц (в 1916 г. подача последних дошла до 517 000); тогда, имея запасы:

	76-мм — 16,3 миллиона
122-мм — $1,3 \times 3,5^{**} = 4,5$	„
и подав в течение года 76-мм $1,5 \times 12 = 18$	миллионов
и 122-мм $0,5 \times 3,5 \times 12 = 20$	„
<hr/>	
Итого около	60 миллионов

Значит, при переводе на 76-мм калибр мы могли бы в 1917 г. получить до 60 миллионов выстрелов, из которых расход в 10 миллионов на какую-либо серьезную операцию был бы вовсе не страшен.

А так как, сократив 76-мм выстрелы до 1,5 миллионов, мы могли бы прежде всего значительно усилить подачу тех же 122-мм выстрелов, то положение наше от такого сокращения только улучшилось бы.

* Автор немного ошибается: ко времени Верденской операции французы уже имели гаубичную артиллерию легкого типа, правда, большей частью устарелых образцов. Они имели 120-мм (48-лин.) короткую пушку обр. 1890 г. с откатом створа и 120-мм кор. скорострельную пушку Шнейдера, почти тождественную с нашей полевой 48-лин. гаубицей 1910 г. обр. Шнейдера.

Сколько было таких батарей у французов ко времени Верденской операции, сказать трудно, но надо думать, что их было немногим менее, чем у нас 48-лин. гаубиц.

Кроме того, на ближайших дистанциях навесный фугасный огонь давали бомбы и минометы, которых французы к этому времени имели около 2 500 т., на дальних же они с успехом заменялись 6-дм. гаубицами (короткими пушками, как их называют французы), которых у французов было раза в 4 больше, чем у нас.

Таким образом, легкие пушки заменяли наши легкие гаубицы только тогда, когда требовался навесной шрапнельный огонь, т.е. когда применялись так наз. диски Маландрена. Местность под Верденом, после февральских боев совершенно оголенная от лесов, уничтоженных артиллерийским огнем, требовала их применения лишь в редких случаях и потому надо считать, что легкая пушка сравнительно бедно исполняла роль гаубицы. *Прим. ред. 1-го изд.*

** Здесь 3,5—переводный коэффициент с 122-мм гаубичных снарядов на 76-мм.

Наконец, при решении вопроса о количестве выстрелов необходимо иметь в виду еще одно немаловажное обстоятельство: это — убыль орудий от расстрела, от повреждения неприятелем и от потери (в плен) и возможное пополнение этой убыли. При этом никак нельзя допустить, чтобы убыль орудий оказалась больше прибыли, т.е., чтобы началось уменьшение числа орудий на фронте. Особенно это важно было для нас при нашей бедности артиллерией сравнительно с нашими противниками и при огромном протяжении фронта, когда корпусу приходилось вместо уставных 6—10 верст занимать позицию 120 верст, как, например, VII сибирскому корпусу, имевшему при этом всего 62 легких скорострельных и 16 поршневых пушек. При таких условиях дальнейшее уменьшение орудий на фронте было совершенно недопустимо.

Мы же могли подать новых и отремонтированных всего (т.е. и с заграничными) легких и горных 76-мм орудий (см. выше, том I об орудиях):

годы	Пушек
1914	285
1915	2 039
1916	7 392
а всего . . .	9 716 пушек

Из этого числа за то же время было нами утрачено около 5 000 пушек попавшими в плен и подбитыми. Следовательно, только около пяти же тысяч пушек могло идти на замену расстрелянных и на новые формирования. И так как на эти формирования шло не меньше половины вновь поступивших на фронт орудий, то на замену расстрелянных пушек пошло за все это время не более 2 500—3 000 штук.

Правда, потом производство 76-мм пушек наладилось в такой степени, что можно было рассчитывать подавать ежегодно тысячи по три их только для замены расстрелянных, но уже больше этого числа выжать для этой цели было нельзя. Значит, вот предел — 3 000 пушек, которые ежегодно можно было при наших средствах приводить в негодность на фронте собственной стрельбой.

А какому числу выстрелов это соответствовало? Ответить на этот вопрос категорично и вполне определенно очень трудно, так как опыта мирного времени для этого было недостаточно, а во время войны спохватились довольно поздно: точной регистрации не вели, за каналами внимательно не следили и спохватились лишь тогда, когда состояние орудий стало внушать серьезные опасения *.

* Выше упоминалось (см. I том об орудиях), что на основании осмотра большого количества орудий в действующей армии, произведенного распоряжением Упарта, признано было средним предельным числом выстрелов, выдерживаемым нашей 76-мм пушкой (легкой), 6 000, но с некоторой оговоркой, что новые орудия, вступившие во 2-й и особенно в 3-й год войны, такой стойкостью не обладают (вследствие худшего качества металла и меньшей тщательности в работе). Б.

Но даже допустив, что в условиях мировой войны действительно представлялось возможным достреливать наши 76-мм пушки, на круг, до 6 000 выстрелов, все же на вывод из строя 3 000 пушек было достаточно 18 миллионов выстрелов.

Значит, и в силу этой причины нельзя было, при имевшемся у нас наличии 76-мм пушек и возможности уделять их не более 3 000 в год на замену расстрелянных, допускать непомерное расходование снарядов (более 1½ миллионов в месяц), если бы их даже имелось неограниченное количество.

Правда, в конце 1916 г. мы разогнали производство 76-мм пушек за 800 штук в месяц (считая и ремонтируемые сменой труб) и могли догнать еще до 1 000, но и тут мы увлеклись на неверный путь совершенно так же, как и с легкими снарядами, т.е. в явный и серьезный ущерб для орудий более крупного калибра. В результате число полевых пушек мы довели в 1917 г. до 8 500 шт. (обр. 1902, 1900 гг., горных и японских); но зато по части тяжелой артиллерии мы безнадежно отстали. И был совершенно прав генерал-квартирмейстер при главкомверхе, когда в заключении своей записки от 26 сентября 1917 г. наштаверху указал:

«Мы превосходим противника в легкой артиллерии, но при активных действиях недостаток тяжелой артиллерии не компенсируется избытком легкой, а потому, готовясь к весне, необходимо настоятельно добиваться гаубиц» (лист 108, дело штаба главкомверха № 513).

Но это легче было писать, чем делать: перейти с 76-мм пушки хотя бы на 107-мм куда труднее, чем с 76-мм снаряда на более крупный.

Из вышеприведенной таблицы 6 видно, что к 1 (14) января 1915 г. было подано на фронты около 7 миллионов 3" выстрелов; за 1915 г. их было подано ок. 11½ миллионов; за 1916 г.—ок. 28½ миллионов.

А всего к 1 января 1917 г.—около 47 миллионов; и, как мы видели выше, в остатке к этому же сроку числилось ок. 16,3 миллионов.

Значит, с начала войны и до 1 (14) января 1917 г., т.е. за 29 месяцев, было израсходовано всего около 30,5 миллионов 3" выстрелов; это в среднем составляет по одному миллиону в месяц. Правда, в первый год войны эти выстрелы расходовались в размере, меньшем против действительной потребности, но зато в 1916 г. этот расход был ничем не ограничен и, вероятно, превосходил действительную потребность. Одно здесь можно сказать: общее число пушек в мировую войну было у нас недостаточно (и по сравнению с нашим противником, и по протяжению нашего фронта вообще), и потому этот недостаток во многих случаях приходилось восполнять излишним расходом снарядов.

Итак, не представляется возможным, на основании имеющегося материала, совершенно точно установить, сколько именно 76-мм выстрелов

расходовалось на фронтах в 1914, 1915 и 1916 гг. и сколько в действительности их было нужно.

Однако, из всего приведенного выше видно, что истинная потребность в выстрелах к 76-мм пушкам (без всякого стеснения в их расходовании) вряд ли была более 1½ миллионов в месяц или 18—20 миллионов в год.

Все же лишние запросы, которые предъявляла тылу Ставка о подаче до 4½ миллионов в месяц или 53 миллиона в год, были в явный и непоправимый ущерб для прочих предметов боевого снабжения, среди которых тяжелая артиллерия и ее боевые комплекты выстрелов находились в исключительно неблагоприятном положении, не говоря уже об ущербе от этого для народного хозяйства вообще, выкачивать из которого в то время без крайней нужды десятки миллионов пудов металла, топлива и т. д., было политикой прямо преступной.

* В труде А. А. Маниковского вопрос о причинах большого расхода 76-мм патронов выяснен с исчерпывающей полнотой (главным образом, по отчету ген. Карачана); вопросы же о действительном боевом расходе этих патронов в периоды боевых операций и о действительной в них потребности для получения исходных данных к определению мобилизационных норм боевого снабжения—эти последние два вопроса остались в значительной степени открытыми.

Объясняется это недостаточностью и запутанностью имеющегося материала, но и самый метод, принятый в изложении труда А. А. Маниковского при попытках к разрешению указанных вопросов, нельзя считать удачным. В этом труде вопрос о среднем боевом расходе выстрелов за определенные периоды боевых действий почти совершенно не отделяется от вопроса о средней норме мобилизационного запаса или мобилизационной потребности в выстрелах, исчисляемой для длительного периода войны, (например, на год войны), только часть которого захватывается боевыми операциями, а в остальное время бывают затишья на фронте. Между тем, вопросы эти нельзя смешивать; они совершенно разные, хотя и находящиеся в некоторой зависимости друг от друга; только после определенного выявления каждого из этих двух вопросов можно правильно подойти к целесообразному их разрешению.

Все запросы со стороны действующей армии тылу по части снабжения 76-мм патронами и почти все устанавливаемые Ставкой (Упартом) нормы снабжения выстрелами считаются в труде А. А. Маниковского чрезмерными, явно преувеличенными и, будто бы, вовсе не отвечающими действительной потребности. Однако, как велика эта «действительная потребность»—труд А. А. Маниковского в первом издании определенного ответа не дает. В труде, после ряда разных исчислений и после сопоставления разного рода данных, высказывается лишь предположительное заключение, основанное на расходе выстрелов за 1916 г. (расход этот

определен был Упартом для Союзной конференции), что «истинная потребность в выстрелах к 76-мм пушкам вряд ли была более 1½ миллионов в месяц», т.-е. по 9 выстрелов в день на пушку *) (и притом, по мнению автора, «без всякого стеснения в расходовании выстрелов»). Автор, несмотря на все его нападки на Упарт, все же считает этот орган «компетентным» («Боевое снабжение», ч. III, изд. 1923 г., стр. 105—107); впрочем, компетенция Упарта признается лишь в некоторых случаях. Произведенные Упартом исчисления среднего месячного расхода выстрелов за 1914 и 1915 гг. считаются автором достаточно достоверными и из них делаются соответствующие выводы, что расходы были малы, а запросы фронта были, следовательно, преувеличены; исчислению Упарта о среднем месячном расходе выстрелов за 1916 г. уже особой веры не придается и норма 2 229 000 выстрелов в месяц считается преувеличенной; что же касается нормы 4½ миллиона в месяц, указанной в Записке штаверха царю от 15 июня 1916 г. **, то она считается не только чрезмерно преувеличенной, но даже преступной, как запрос Ставки, предъявленный «в явный и непоправимый ущерб для прочих предметов боевого снабжения», в том числе для тяжелой артиллерии с ее выстрелами.

Упарт стал существовать при Ставке главноверха лишь с 5 января 1916 г. и с того времени стали вести строгий учет выстрелам; исчисления Упарта, относящиеся ко времени его существования и руководства артиллерийской частью на фронте, являются достаточно обоснованными и достоверными. Наоборот, исчисления Упарта, составленные по весьма приблизительным данным за 1914 и 1915 гг., когда Упарт не существовал, когда почти никакого учета выстрелам не велось и дезорганизованное боевое снабжение на фронтах не объединялось под руководством Ставки, являются сомнительными. К тому же приходится повторить, что средний месячный расход 76-мм выстрелов за 1914 и 1915 гг. вовсе не выражает собою действительной потребности в выстрелах. Расход этот вышел небольшим потому, что в то время на фронте почти ничего было расходовать, но потребность в выстрелах была огромная. Нельзя поэтому игнорировать запросы с фронта о подаче 76-мм патронов, сыпавшиеся на ГАУ с самого начала войны, считая их явно преувеличенными и даже просто лживыми (как это делал А. А. Маниковский).

Потребность в 4½ миллиона 76-мм патронов в месяц была исчислена Упартом по данным о действительном расходе этих патронов за определенный период интенсивных боевых операций весной 1916 г. на нашем Юго-западном фронте. Со стороны Упарта вовсе не предъявлялось ГАУ требование по 4½ миллиона 76-мм патронов в месяц в виде подлежащего удовлетворению на продолжительный период; Упарт никогда не требовал от ГАУ подавать до 53 миллионов 76-мм патронов в год, и сделанное в труде А. А. Маниковского указание на подобное требование

* Выше упоминалось, что в первом издании труда было ошибочно напечатано по 30 выстрелов в день на пушку.

** См. приложение 29.

(см. выше стр. 222) является не обоснованным. Потребность в 4½ миллиона 76-мм патронов заявлена в Записке наштаверха царю, как необходимая для «полного развития наступательных операций на всех наших фронтах» лишь на ближайшие 2—3 месяца лета 1916 г. Целью этой Записки являлось желание указать царю на затруднительность выполнения задуманных боевых операций при невозможности обеспечения огромных потребностей боевого снабжения в особенности при необеспеченности армии тяжелой артиллерией, указать на кризис в боевом снабжении, который к тому времени уже достаточно ясно обрисовался, а главное — на необходимость установления в тылу твердой власти верховного министра государственной обороны (подобного министру снабжения во Франции). Копия этой Записки была передана начальником Упарта начальнику ГАУ А. А. Маниковскому лишь для осведомления и отнюдь не в виде требования ежемесячной подачи 4½ миллионов 76-мм патронов.

В 1917 г., в связи с событиями Февральской революции, порядок в боевом снабжении армии, налаженный в 1916 г. Упартом, был несколько нарушен. Поэтому наиболее достоверными данными о боевом снабжении, на которых возможно основывать выводы, являются данные за 1916 г. Данные за август и сентябрь 1914 г. ценны, как единственные, по которым можно судить о боевом снабжении в период маневренной войны на русском фронте.

Средняя норма мобилизационного запаса или мобилизационной потребности в выстрелах (норма расхода в средние сутки года, как ее называют некоторые исследователи данного вопроса) может быть определена путем исчисления расхода выстрелов за какой-либо длительный период войны или за всю войну, но при условии, что в принимаемый к учету период времени не было особого стеснения в расходовании выстрелов (подобного испытанному русской армией в конце 1914 г. и до осени 1915 г.). Затем в сделанное таким путем исчисление необходимо ввести некоторую плюсовую поправку на случай обеспечения боевых операций, требующих исключительно большого расхода выстрелов, и на случай других непредвиденных обстоятельств. При определении размера такой поправки необходимо принимать во внимание норму среднего боевого (суточного или месячного) расхода выстрелов, исчисленного только для определенного периода ведения тех или иных боевых операций.

Материалом для определения средней нормы потребности в артиллерийских выстрелах (нормы мобилизационного запаса) могут служить следующие данные, собранные к концу 1916 г. в Ставке управлением полевого генерал-инспектора артиллерии (см. диаграммы в личном архиве А. А. Маниковского, составленные состоявшим для поручений при полевом инспекторе артиллерии ген. Шульга).

---

* См. справку по поводу записки ген. Алексева о верховном министре в приложении 28 к этому тому.

Расход выстрелов приходящийся на одно орудие по данным за 1 год.

Название орудий	Количество выстрелов	
	На 1 год	На 1 день
3-дм. полевая пушка	3 020	9
3-дм. горная пушка	2 300	6
48-лн. гаубица.	1 500	4
45-лн. гаубица англ.	1 000	3
75-мм пушка Арисака	1 500	4
42-лн. пушка скор. 1910 г.	1 980	5
42-лн. пушка обр. 1877 г.	760	2
6-дм. гаубица кр. 1909 г.	2 600	7
6-дм. гаубица пол. 1910 г.	2 500	7
6-дм пушка 120 пд. обр. 1877 г. . . .	740	2

По данным Упарта в 1916 г. было израсходовано около 18 миллионов 76-мм патронов; отсюда в труде А. А. Маниковского выведена ежемесячная потребность в $1\frac{1}{2}$ миллиона, или в день по 9—10 выстрелов на 76-мм пушку, но никакой поправкой не сделано. Для определения такой поправки может служить исчисленная Упартом норма ежемесячного расхода 2 229 000 выстрелов для 5 месяцев интенсивных боев 1916 г., откуда ежемесячная потребность на одну 76-мм пушку определится приблизительно в 400 выстрелов или по 13—14 выстрелов в день.

В начале 1916 г. и затем с августа 1916 г. было затишье в боевых действиях на русском фронте с расходом приблизительно по 5 выстрелов в день. Это затишье являлось результатом крайнего переутомления враждующих сторон продолжительной войной и переходом их к «позиционному сиденью». Рассчитывать на возможность подобных мертвых периодов боевого затишья в будущем не следует. Опыт нашей гражданской войны доказал, что достаточно интенсивные боевые действия могут и будут вестись в маневренной войне в течение всего года и во всякое время года. По этим соображениям следует считать ежемесячную потребность в 400 патронов на 76-мм пушку на круглый год, т. е. принять за норму мобилизационной потребности в средний годовой день 14 выстрелов на 76-мм пушку.

При современных условиях военной техники огонь артиллерии получит, несомненно, еще большее, почти решающее значение при боевых столкновениях; большое значение также получит артиллерийский огонь

в смысле отражения налетов неприятельского воздушного флота и проч. А потому при определении современных норм боевого снабжения, которые будут служить заданием для заготовления запасов на военное время, для подготовки мобилизации и развертывания промышленности на период войны, следовало бы указанную ежемесячную потребность еще увеличить — примерно до 500—600 выстрелов на 76-мм пушку (для Конференции союзников в январе 1917 г. месячная потребность была заявлена в 500 выстрелов на пушку, или до 20 патронов на пушку в день, в зависимости от числа действующих орудий, от обширности предстоящего театра военных действий, от развития транспорта, от развития и направления путей сообщения и проч. (чем больше орудий, тем запас выстрелов может быть меньше, и наоборот; чем шире район действий и чем слабее транспорт, тем запасы должны быть больше, и т. д.).

Указанная норма в средний годовой день по 14 патронов на 76-мм пушку выведена по данным 1916 г., т.е. относится к позиционному периоду войны. На 1917 г. Упарт определил ежемесячную потребность для ГАУ кругло на весь год по 2 400 000 выстрелов (см. выше стр. 183), или приблизительно по 400—420 патронов на пушку в месяц, т.е. именно по указанному выше расчету — 14 патронов на пушку в день.

Расход выстрелов на отдельные боевые операции в маневренной войне будет по всей вероятности меньшим, чем в войне позиционной, когда требуется огромный расход снарядов при совершении прорывов на уничтожение проволочных заграждений, на разрушение разного рода укрытий и проч. Но общая суммарная потребность в выстрелах в маневренной войне будет даже больше потребности позиционной войны, так как при маневренном образе действий боевые столкновения будут происходить гораздо чаще, чем прорывы укрепленной полосы в войне позиционной.

Наиболее обоснованным требованием 76-мм выстрелов в период маневренной войны следует признать телеграмму главнокомандующего Юго-западным фронтом ген. Иванова от 10 сентября 1914 г. № 1165, подтвержденную тогда же начальником штаба главноверха (см. том I, телеграмма 9-я по порядку). В указанной телеграмме ген. Иванов сообщал, что средний расход выстрелов, произведенный на фронте за 10 дней августа в 350 на пушку, или по 22 патрона в день, следует признать «весьма умеренным». Если считать на периоды боевого затишья в маневренной войне расход по 5 выстрелов на пушку, то получим, что потребность в период маневренной войны в средние сутки года составит $(22 + 5) : 2$, т.е. те же около 14 патронов на 76-мм пушку, или 420 в месяц. Оставляя же в силе высказанные соображения о необходимости увеличения этой нормы для мобилизационных расчетов, получим среднюю ежемесячную мобилизационную потребность в 500—600 выстрелов на 76-мм пушку для маневренной войны, как и для позиционной.

Средний боевой расход выстрелов на определенные дни интенсивных боев или на определенный период боевых операций будет различный в зависимости от характера боевых столкновений —

встречный бой в маневренной войне, наступление на обороняющегося противника, прорыв укрепленной неприятельской полосы, оборона в условиях маневренной или позиционной войны и т. п., а также от продолжительности той или иной операции. Установление норм среднего боевого расхода выстрелов по опыту войн вовсе не исключает необходимости производства расчета выстрелов, необходимых для выполнения той или иной операции, в каждом частном случае; установленные нормы среднего боевого расхода могут служить лишь отправными данными при составлении расчета общего суммарного количества необходимых выстрелов. Как в бою от артиллерии требуется искусство маневрирования снарядами для сосредоточения огня в важнейшем решающем направлении, так при подготовке боевых операций требуется умелое маневрирование комплектами артиллерийских выстрелов для сосредоточения их в необходимом количестве к соответствующим частям артиллерии.

Для установления норм среднего боевого расхода артиллерийских выстрелов по опыту позиционного периода мировой войны могут служить данные о ежедневном среднем расходе на единицу орудия (при соблюдении необходимой экономии в расходе выстрелов), определенные Упартом по опыту весенних боев 1916 г. на нашем Юго-западном фронте и сообщенные начальнику ГАУ 28 июня 1916 г. № 971 *. По этим данным ежедневный средний боевой расход определен для 76-мм легких пушек в 60 выстрелов на орудие, для 76-мм горных пушек в 25 выстрелов и для 75-мм японских пушек Арисака в 40 выстрелов на пушку. Для расчета количества выстрелов, необходимых для разрушения искусственных заграждений и различных целей при прорыве укрепленной полосы, возможно руководствоваться «Наставлением для борьбы за укрепленные полосы», ч. II артиллерийская. «Действие артиллерии при прорыве укрепленной полосы» **. Наставление это было разработано и издано Упартом в 1917 г. В приложении VII к «Наставлению» указан примерный средний расход снарядов по дням на орудие, исчисленный по опыту операций 1916—1917 гг. Во вступительной статье к «Наставлению», подписанной ген. Алексеевым 23 апреля 1917 г., предлагалось, между прочим, применять «Наставление согласно обстановки, избегая закрепощения норм и цифр: никакие нормы не могут освободить начальствующих лиц от обязанности размышлять и руководить боем». Указание это не утратило значения; его полезно иметь в виду и для будущего.

Для установления нормы среднего боевого расхода выстрелов к 76-мм пушкам в дни боев маневренного периода войны возможно воспользоваться данными, имеющимися в донесениях Юго-западного фронта о расходе выстрелов в августе и сентябре 1914 г. ***. Данные эти

* См. выше стр. 214.

** См. „Наставление для борьбы за укрепленные полосы“. II часть артиллерийская. 1917. Приложения IV, V, VI и VII.

*** См. том I этого труда и выше в этом томе.

весьма различны, что является вполне естественным, так как они относятся к расходу артиллерийских выстрелов в боевых столкновениях различного характера и различной продолжительности.

Данные эти таковы: в день боя на 76-мм пушку расходовалось патронов 20, 22, 28, 30, 40, 42, 48, 50, 63, что в среднем составит суточный боевой расход около 40 патронов.

Русская армия во все время войны терпела недостаток в выстрелах для гаубичной и тяжелой артиллерии, в особенности для артиллерии крупных калибров, еще более острый и ощутительный для армии, чем нехватка 76-мм патронов. Но в начале войны этот недостаток не был осознан в полной мере, так как тогда тяжелой артиллерии у нас было очень мало.

Наконец, по причинам, ярко обрисованным в настоящем труде А. А. Маниковским, вокруг вопроса о тяжелых выстрелах не создалось той необычайной «шумихи», какую создали вокруг выстрелов для 76-мм легкой артиллерии.

Требования Ставки («Упарта») об удовлетворении потребности армии в гаубичных и тяжелых выстрелах тыл не считал преувеличенными, но удовлетворял их в весьма слабой степени, в особенности в 1914—1915 гг. Сам А. А. Маниковский, весьма склонный видеть в требованиях Упарта «бессмысленные» преувеличения, находил его требования в отношении выстрелов для тяжелой артиллерии «отвечающими потребности». Мало того, А. А. Маниковский, как излагалось выше, неоднократно бросал Упарту упреки в его слабой настойчивости к ограничению «разгона» русского производства 76-мм снарядов, ведущего к «явному и непоправимому ущербу» не только для боевого снабжения вообще и тяжелой артиллерии в особенности, но и для всего народного хозяйства, «выкачивать из которого», по выражению Маниковского, «без крайней нужды десятки миллионов пудов металла, топлива и т. д. было политикой прямо преступной». В этом отношении А. А. Маниковский был совершенно прав принципиально, но он не прав, обвиняя в этом преступлении Упарт, который, как орган действующей на фронте армии, вовсе не был властен создавать ту или иную снабженческую «политику» в глубоком тылу. По законам того времени всем этим должен был ведать и всем этим мог распоряжаться только военный министр. Так или иначе, но предъявляемые Упартом требования в отношении снабжения армии выстрелами для гаубичной и тяжелой артиллерии считались скромными и потому возможно привести их без особых оговорок, за исключением разве только одной, что они были слишком скромными и что поэтому их следовало бы несколько увеличить для будущего.

Данные о средней норме мобилизационного запаса (потребности) — суточной и ежемесячной и о среднем боевом расходе артиллерийских выстрелов сведены в таблицу 16. В той же таблице помещены для сравнения некоторые данные, относящиеся к французской артиллерии, но лишь к 1916 г. — к одной операции под Верденом; в последующие годы войны потребность французской артиллерии в выстрелах для вы-

полнения отдельных операций (средний боевой расход выстрелов) в значительной степени превосходила указанную в таблице 16 *.

ТАБЛИЦА 16.

Р о с с и я				Ф р а н ц и я		
О р у д и я	Выстрелов на 1 орудие			О р у д и я	Выстрелов на 1 орудие	
	Мобилизац. потребность		Средний суточный боевой расход в весен. операциях 1916 г.		20-ти дневная потребность на Верденскую операцию 1916 г.	Предположенный средний суточный боевой расход в Верденскую операцию 1916 г.
	В средние сутки года на 1917 год	Месячная потребность на 1917 год				
76-мм легкая пушка . .	17	500	60	75-мм полевая пушка.	7.200	360
76-мм горная пушка . .	17	500	25	90-мм пушка	1.700	85
122-мм гаубица	19	560	40	95-мм пушка	2.000	100
152-мм гаубица	14	420	55	120-мм пушка	1.700	85
107-мм скоростр. пушка.	10	300	40	150-мм пушка	2.000	100
152-мм пушка Шнейдера.	20	600	?	155-мм пушка	1.700	85
152-мм пушка в 200 пуд.	9	260	15	220-мм пушка	1.000	50
152-мм пушка в 120 пуд.	9	260	40	Орудия более крупных калибров . .	600	30
152-мм пушка Канэ . .	3	100	25			
8-дм. (200-мм) гаубица .	8	250	?			
11-дм. (275-мм) гаубица.	7	200	?			
12-дм. (304-мм) гаубица.	7	200	?			

Французы, по заявлению полковника французской артиллерии Ланглуа, считали возможным приступить к наступательной операции лишь в том случае, если количество выстрелов на орудие доведено у них до указанного в таблице 16. Как видно из этой таблицы, предположенный французами средний суточный боевой расход выстрелов значительно превосходил средний суточный боевой расход выстрелов русской артиллерии, например, для полевых пушек в 6 раз. Но действительный суммарный расход выстрелов, произведенный под Верденом за более продолжительный срок, чем указанные в таблице 20 дней, оказался несколько меньшим предположенного.

По свидетельству того же полковника Ланглуа, в период с 21 февраля по 16 июня 1916 г., т.е. за 116 дней, участвовавшими в сражении со стороны французов 1 072 полковыми пушками — 75-мм, 80-мм и 90-мм израсходовано было до 10 642 800 выстрелов, что в среднем составляет по

* Таблица 16 составлена по материалам личного архива А. А. Маниковского, а в отношении французской артиллерии и по французским источникам: Ребуль. Военные производства во Франции в 1914—1918 гг.—Перев. 1926 г.; Гаскуэн. Эволюция артиллерии во время мировой войны. Перев. 1921 г.; Эрр. Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем. Перев. 1925 г.

87 выстрелов на пушку в день. Этот средний суточный боевой расход близок к нашему действительному боевому расходу, произведенному в операциях Юго-западного фронта весной 1916 г. — около 60 выстрелов на 76-мм пушку в день, т.-е. боевой расход французов превосходил расход русской полевой пушечной артиллерии лишь в $1\frac{1}{2}$ раза.

Что касается мобилизационной потребности, то средняя суточная мобилизационная потребность на одну полевую пушку состояла: во французской артиллерии — в период 1914 г. 9 выстрелов, а в период 1918 г. около 60 выстрелов; в германской артиллерии — в 1914 г. 8 выстрелов, в последующие годы значительно больше; в русской артиллерии — в период 1914 г. — около 3 выстрелов, в 1916 г. — около 9 выстрелов *. Но как объяснялось выше, числа — 3 и 9 выстрелов в день на пушку не отвечают действительной в них потребности русской артиллерии и правильнее определять мобилизационную потребность в средние сутки года в 14 выстрелов на полевую 76-мм пушку, а среднюю ежемесячную потребность в 500 выстрелов на пушку (при наличии в армии 5—5½ тысяч действующих полевых пушек), как указано в таблице 16.

Наконец, если сравнить общий расход артиллерийских выстрелов русской и французской артиллерии за продолжительный период мировой войны, а не за период отдельных боевых операций, то расход русской артиллерии окажется ничтожным по сравнению с колоссальной тратой снарядов во Франции — даже на отдельные операции (см. таблицы 17 и 18; в таблице числа округлены) **.

Т А Б Л И Ц А 17.

Расход выстрелов русской артиллерии в 1914—1916 гг.

На з в а н и е в ы с т р е л о в	Количество израсходованных выстрелов
Для 76-мм легких и горных пушек	26 880 000
Для 45-лин. англ. и 122-мм гаубиц	3 039 000
Для 152-мм гаубиц	966 300
Для 107-мм пушек	543 400
Для 120-мм пушек	10 200
Для 152-мм пушек в 120, 190 и 200 пуд.	90 700
Для 152-мм пушек Канэ	15 700
Для 200-мм гаубиц	39 100
Для 275-мм гаубиц	1 130
Для 304-мм гаубиц	5 200
И т о г о	31 590 730

В таблице 17 показан расход выстрелов почти всех калибров орудий, состоявших на вооружении армии, за первые 29 месяцев войны

* Приводимые данные о средней суточной мобилизационной потребности в выстрелах французской и германской артиллерии приблизительны.

** Данные о французской артиллерии заимствованы из французских источников Гаскуэна, Эрра и Ребуля, указанных в выноске на 229 стр.

1914—1916 гг. Расход выстрелов 76-мм пушек в 1917 г. составлял приблизительно около 11 миллионов (см. выше стр. 185); следовательно за всю войну 1914—1917 гг. на русском фронте было израсходовано около 38 миллионов 76-мм патронов. Данные о расходе выстрелов других калибров за 1917 г. не отличаются достаточной достоверностью и потому здесь не приводятся.

ТАБЛИЦА 18.

Расход выстрелов французской артиллерии в периоды операций 1914—1916 и 1918 гг.

Название выстрелов	1914 г. к кон- цу Марнского сражения	1915 г. с 22 по 27 сен- тября	1916 г.		1918 г.		Итого
			С 24 июня по 10 июля	С 13 по 27 июля	С 20 марта по 10 июля	С 10 июля по 11 ноября	
75-мм . . .	4 000 000	1 387 400	2 013 500	3 000 000	2 100 000	1 130 000	13 630 900 *
95 - мм — — 155-мм.	?	265 500	?	?	—	—	265 500
105-мм . .	?	?	?	?	622 000	750 000	1 372 000
155-мм . .	?	?	?	?	900 000	1 600 000	2 500 000
220—270-мм.	?	30 320	519 200	1 000 000	?	?	1 549 520
Всего .	4 000 000	1 683 220	2 532 700	4 000 000	3 622 000	3 480 000	19 317 920

В таблице 18 приведены далеко неполные данные; например, за 1914 г. показан расход только 75-мм выстрелов, за 1916 г. не показан расход 95—155-мм выстрелов, за 1918 г. не показан расход тяжелых выстрелов 220—270-мм калибра. Тем не менее, приведенных данных достаточно, чтобы судить об огромной трате выстрелов французской артиллерии не только для поражения живых целей, на борьбу с неприятельскими батареями, на разрушение окопов и заграждений, но и на разного рода заградительные, предупредительные и прочие огни, т. е. на такую расточительность в расходовании выстрелов, какой русская артиллерия вообще себе не позволяла в мировую войну. Как видно из таблицы 18, французская 75-мм полевая артиллерия в 1914 г. к концу Марнского сражения израсходовала около 4 миллионов выстрелов, тогда как русская артиллерия израсходовала в 1914 г. лишь около $2\frac{1}{3}$ миллионов 76-мм патронов. В течение 5 отдельных операций 1915, 1916 и 1918 гг.

* К концу Марнского сражения был израсходован почти весь комплект — по 1 300 патронов на 75 мм пушку, заготовленный по расчетам мирного времени на всю войну; считая кругло 3 840 орудий и расход около 1 100 патронов на 75-мм пушку, получим приблизительно 4 000 000 выстрелов.

французская артиллерия выпустила около 10 миллионов 75-мм снарядов; в том числе в течение одного месяца с 24 июня по 27 июля 1916 г. на Сомме израсходовано было около 5 014 000 шт. 75-мм выстрелов и за один только день 1 июля выпущено было более миллиона 75-мм гранат (приблизительно по 250 на пушку, не считая шрапнелей) и до 800 снарядов самого крупного калибра.

Между тем, А. А. Маниковский и многие другие считали трату выстрелов русской артиллерии по $1\frac{1}{2}$ миллиона в месяц чрезмерно большой, а требования действующей армии о подаче $2\frac{1}{2}$ —3 миллионов 76-мм патронов в месяц (или по 14—18 патронов на пушку в день) «явно преувеличенными, даже преступными».

За всю войну 1914—1917 гг. мы израсходовали около 38 миллионов 76-мм патронов, а французы около 14 миллионов 75-мм выстрелов израсходовали в течение нескольких операций.

За 29 месяцев войны 1914—1916 гг. (исключая 1917 г.) русская артиллерия всего израсходовала суммарно около $31\frac{1}{2}$ миллиона выстрелов всех калибров, в тот же период французская артиллерия истратила лишь на 4—5 крупных операций около $12\frac{1}{3}$ миллионов выстрелов, и, как видно из таблицы 18, далеко не всех калибров, состоящих на вооружении орудий; если же к $12\frac{1}{3}$ миллионам добавить расход выстрелов из орудий всех остальных калибров и за все операции 1914—1916 гг., то цифра расхода выстрелов французской артиллерии получится несомненно, гораздо более внушительной, чем русская.

Следует признать, вопреки установившемуся противоположному мнению, что русская артиллерия израсходовала выстрелов в период мировой войны относительно мало, если расход ее сравнить с расходом выстрелов французской артиллерией. Но в общем расход выстрелов в мировую войну был огромным и в русской артиллерии; — этот расход вышел бы значительно меньшим при умелом использовании артиллерии старшими начальниками.

В будущих войнах следует предвидеть колоссальный расход артиллерийских выстрелов, как бы хорошо ни была подготовлена армия в отношении искусства использования артиллерии и как бы ни была осторожна в расходовании выстрелов сама артиллерия. Экономия выстрелов не уместна, когда от артиллерии требуется мощная поддержка для решения участи сражения. В этом случае придется использовать в полной мере скорострельность современных орудий, допускаемую техническими условиями, не особенно считаясь с расходом выстрелов.

Русская 76-мм полевая скорострельная пушка большая «мотовка» патронов; в сравнительно весьма короткий срок она может расстрелять то предельное число 3—6 тысяч выстрелов, за которым следует порча орудия. Поэтому не следует забывать указаний А. А. Маниковского на необходимость сбережения орудий от расстрела (см. выше), но не путем сокращения количества выстрелов, заготавливаемых и исчисляемых в мобилизационную потребность, как он рекомендует, а путем осторожного обращения с орудиями, путем правильного и достаточного исчисления

мобилизационной потребности в орудиях и заблаговременной подготовки заводов к исправлению орудий.

В общем возможно считать, что при наличии около 6 000 полевых, горных и прочих 76-мм пушек, средняя норма мобилизационной потребности на год войны или норма мобилизационного запаса 76-мм патронов — по 20 выстрелов на пушку в день — будет при современных условиях достаточной.

По этой норме на год войны придется образовать запас около 7 000 выстрелов на 76-мм пушку. Запас большой, на освежение которого потребуется несколько десятков лет, в зависимости от величины ежегодного расхода 76-мм патронов на практические учебные стрельбы.

Между тем, бездымный порох, дистанционные трубки и прочие элементы артиллерийских выстрелов не выдерживают долголетнего хранения.

Наконец, артиллерийская техника непрерывно идет вперед, вследствие чего могут быть приняты на вооружение артиллерии новые системы орудий, или снарядов, для которых огнеприпасы, заготовленные для мобилизационного запаса, могут оказаться непригодными.

Все это может заставить заготавливать огнеприпасы в мирное время не на полную мобилизационную потребность, а лишь на некоторую часть ее с тем, чтобы армия была обеспечена выстрелами на первый период войны, пока мобилизованная промышленность развернет свою производительность и станет подавать в армию огнеприпасы в необходимом количестве до полной нормы мобилизационной потребности.

Расчеты того процента мобилизационной потребности, в каком следует заготовить огнеприпасы в мирное время, и того количества огнеприпасов, какое в счет той же потребности возможно заготовить в первое время войны, — следует произвести заблаговременно с учетом производительности промышленности, времени на ее мобилизационное развертывание и прочих возможностей*.

Б.

Порядок питания армии огнестрельными припасами.

В 1916—1917 гг. Управлением полевого генерал-инспектора артиллерии установлен был следующий порядок питания армий огнестрельными припасами на театре военных действий — см. схемы 4 и 7 в приложениях.

В каждой армии в распоряжении заведывающего артиллерийской частью армии образован был свой армейский тыловой склад огнеприпасов, расположенный в тыловом районе армии обычно при головной станции железной дороги, питающей армию.

В зависимости от протяжения фронта и глубины армейского района, от наличия и состояния путей сообщения и транспорта, от боевых задач, возлагаемых на входящие в состав армии корпуса, и от прочих условий обстановки — распоряжением заведывающего артиллерийской частью армии из тылового армейского склада огнеприпасов выделялись вперед

ближе к войскам армейские передовые склады огнеприпасов — большею частью, по одному на корпус, а иногда и больше.

Огнестрельные припасы армейского тылового склада огнеприпасов составляли резерв командующего армией и по его указаниям отпускались распоряжением зача на пополнение запаса армейских передовых складов огнеприпасов, или для образования новых передовых и промежуточных складов огнеприпасов в ближайшем тылу войсковых частей, получающих особо важную боевую задачу.

При войсках состояли их носимые и возимые боевые комплекты — на людях, в полковых двуколках, в зарядных ящиках батарей и дивизионных резервов и в артиллерийских парках (подвижных).

Пополнение войсковых боевых комплектов производилось, руководствуясь «Наставлением для действия полевой артиллерии в бою», изд. 1912 г. (§§ 99—114).

От головного эшелона артиллерийских парков до войск огнеприпасы подавались средствами войсковых частей, т.е. войсковые двуколки и зарядные ящики посылались в мере надобности распоряжением войсковых начальников за огнеприпасами назад в места расположения головных эшелонов артиллерийских парков. Головной парковый эшелон располагался обычно в 3—5 верстах от боевой линии войсковых частей, получающих от него огнеприпасы.

Головной парк посылал за огнеприпасами свои зарядные ящики и патронные двуколки назад в промежуточный эшелон артиллерийских парков, располагающихся в 10—15 верстах за головным эшелоном, или непосредственно в тыловой эшелон артиллерийских парков, если промежуточный эшелон не был образован. Тыловой парковый эшелон располагался обычно на полпути между промежуточным эшелоном и передовым складом огнеприпасов (местным парком), а если промежуточного эшелона не было, то на полпути между головным артиллерийским парковым эшелоном и передовым складом огнеприпасов.

Эшелоны артиллерийских парков располагались на кратчайших и удобнейших путях от войск к соответствующему складу огнеприпасов.

Такой порядок питания войск огнеприпасами, как показал опыт мировой войны на русском фронте, был вполне удобен и войска, за весьма редкими исключениями, получали огнеприпасы своевременно и в необходимом для них количестве (разумеется, при условии наличия огнеприпасов в армейских складах).

Подача огнеприпасов войскам посылкой за огнеприпасами назад, установленная «Наставлением 1912 г.» для маневренной войны, отличалась от способа огнепитания, установленного во французской армии, в которой принят был порядок подачи огнеприпасов подвозом из тыла вперед. Не заимствовали мы этого порядка у французов потому, что не считали себя настолько богато снабженными, чтобы подавать войскам огнеприпасы с началом боя во всех случаях, не считаясь с тем, израсходованы ли войсками их боевые комплекты и нужно ли их пополнение или нет.

При нашей относительной бедности в огнеприпасах мы считали более целесообразным и отвечающим экономному расходованию огнеприпасов, чтобы подвозили их с тыла сами войска, нуждающиеся в огнеприпасах.

Для позиционной войны в русской армии принят был несколько иной порядок питания войск огнеприпасами, установленный «Наставлением для борьбы за укрепленные полосы» (изд. 1917 г., ч. II, §§ 117—126, ч. III, § 114).

Для нанесения мощных ударов при прорыве укрепленной полосы подача артиллерийских выстрелов малыми порциями считалась недопустимой.

Производились заблаговременно расчеты огнеприпасов, необходимых для выполнения той или иной боевой операции.

Огнеприпасы, необходимые для предполагаемого расхода на первый день операции, выкладывались накануне на батареях. В 3—5 верстах от батарей устраивались головные склады, обеспечивающие суммарно потребность в огнеприпасах второго дня операции. Подвоз из головного склада до позиций производился средствами батарей (при удобстве подвоза при батареях огнеприпасы не выкладывались, а в головном складе имели запас на первые два дня операции).

В расстоянии не более 15 верст от головных складов устраивались промежуточные склады, обеспечивающие, в сумме, работу артиллерии еще на три последующие дня. Подвоз огнеприпасов из этих промежуточных складов в головные выполнялся средствами артиллерийских парков.

Наконец, в расстоянии не более 30 верст от промежуточных складов, обычно на станции железной дороги широкой колеи, располагался армейский передовой склад (местный парк) с двухдневным запасом выстрелов. Подвоз огнеприпасов из армейского передового склада в промежуточные выполнялся транспортами (конными или автомобильными) и по узкоколейной железной дороге. В тех случаях, когда удаление от армейского передового склада огнеприпасов до головных складов было не велико (верст 15—20), промежуточные склады не устраивались и совпадали с передовым армейским, в котором в этих случаях сосредоточивался запас выстрелов на 5 дней операции.

При обороне укрепленной полосы разрешалось выкладывать при батареях для отбития атак огнеприпасы на однодневную потребность (по расчету, указанному в приложении IV к части III «Наставления для борьбы за укрепленные полосы»), но с оговоркой, что выкладывание таких больших запасов на батареях крайне нежелательно, так как хранение в погребах вредно отражается на баллистических качествах пороха, а в случае неудачи запасы выстрелов будет трудно вывезти.

Отпуск огнеприпасов войскам из головных эшелонов артиллерийских парков или из головных складов производился по требованиям войск. Пополнение запасов артиллерийских парков или головных и про-

межуточных складов производилось по их требованиям из армейских передовых складов огнеприпасов.

Пополнение огнеприпасов в армейских передовых складах производилось по их требованиям из армейского тылового склада огнеприпасов, но не иначе, как по распоряжениям зачета, согласованным с оперативными указаниями командарма. Подача огнеприпасов из тылового армейского склада в передовые склады производилась по железным дорогам и транспортом.

Тыловые и передовые армейские склады огнеприпасов нередко размещались при станциях железных дорог, в вагонах на колесах или в вагонных кузовах, устанавливаемых для перевозки на вагонные платформы.

На каждом фронте армий по распоряжению начальника артиллерийских снабжений фронта, основанному на оперативных указаниях штаба фронта, образованы были склады огнеприпасов армий фронта (один, два или несколько в зависимости от условий обстановки). Склады эти располагались при узловых станциях железных дорог в постоянных помещениях, устроенных в довоенное время, или во временных, устраиваемых в мере надобности в период войны, а иногда в ж.-д. вагонах на колесах или в вагонных кузовах, устанавливаемых для перевозки на вагонные платформы.

Запасы этих складов составляли резерв огнеприпасов фронта, расходующийся по распоряжению н-ка артиллерийских снабжений фронта, как для пополнения запаса армейских тыловых складов огнеприпасов по проверяемым требованиям зачетов, так и с целью образования в них особого резерва огнеприпасов для той или иной армии соответственно потребности выполнения боевых операций по заданию главнокомандующего армиями фронта. Подача огнеприпасов из склада армий фронта в армейские тыловые склады огнеприпасов производилась по железным дорогам, а в некоторых исключительных случаях автомобильным транспортом тылового артиллерийского подвижного склада фронта, образованного на фронтах распоряжением Упярта, согласно приказу наштаверха 22 декабря 1916 г., № 1776.

Наконец, в распоряжении Управления полевого генерал-инспектора артиллерии всегда состоял резерв огнеприпасов главнокомандующего, расходующийся по указанию н-ка штаба главковерха, как для пополнения складов огнеприпасов армий фронтов, так и с целью сосредоточения на том или ином фронте армий резерва огнеприпасов, необходимого для выполнения оперативных заданий, поставленных фронту главковерхом.

Резерв огнеприпасов главковерха располагался по распоряжениям Упярта, основанным на указаниях наштаверха, или при некоторых складах огнеприпасов армий фронта, более удаленных от армейских районов, или в глубоком тылу в складах ГАУ; в обоих случаях огнеприпасы резерва главковерха состояли на особом счету Упярта и без его разрешения не могли расходоваться.

Пополнение запасов складов армий фронтов производилось иногда (для ускорения) доставкой огнеприпасов непосредственно из огнестрельных складов ГАУ в склады фронтов, но не иначе, как по требованиям Упарта.

Пополнение резерва огнеприпасов главковерха производилось по требованиям Упарта, предъявляемым к ГАУ.

Подвоз огнеприпасов в склады армий фронтов и в склады, в которых сосредоточивался резерв огнеприпасов главковерха, производился по железным дорогам.

С 1916 г. боевое снабжение армий огнеприпасами было в полной мере сосредоточено в Упарте (заготовление же огнеприпасов производилось распоряжением военного министра и ГАУ).

Упарт вел строгий учет всем огнеприпасам, состоящим в запасах армий, в резерве фронтов и в резерве главковерха.

Сведения о расходе, приходе и наличии огнеприпасов в армиях и резервах еженедельно представлялись Упартом для оперативных соображений штаверху, от которого начальник Упарта получал указания о сосредоточении огнеприпасов в резерве главковерха и о направлении их на фронт.

Ни командующие армиями, ни начальники артиллерийских снабжений фронтов, ни даже главнокомандующие армиями фронтов — никто ни в каких случаях не имел права обращаться, помимо Упарта, с требованиями к ГАУ, к ГУГШ или военному министру о подаче огнеприпасов.

С требованиями подачи огнеприпасов должны были обращаться только в Упарт, но не иначе как через начальников артиллерийских снабжений фронтов или через главнокомандующих армиями фронтов (последние обращались обычно к штаверху, который давал соответствующее указание Упарту).

С 1916 г. совершенно прекратилось, имевшее место в первый период войны, разбрасывание наспех огнеприпасов, заготовленных ГАУ, по тем фронтам или армиям, откуда раздавались более «настойчивые вопли» или откуда поступали в ГАУ просьбы «своих людей» (например, от главнокомандующего Юго-западным фронтом ген. Иванова, служившего раньше в ГАУ и сохранившего там «знакомства» и «связи»). Прекратилось с 1916 г. и распределение огнеприпасов поровну между фронтами или пропорционально количеству артиллерии, находящейся на том или ином фронте, что широко практиковалось Штабом главковерха в 1914—1915 гг., когда при нем еще не было Упарта. Прекратилась также импровизация систем огнепитания, практикуемая фронтами и отдельными армиями в те же 1914—1915 гг. *.

Упартом в отношении снабжения армий огнеприпасами была осуществлена в полной мере идея резервов: войска имели при себе боевые комплекты всегда пополненными до положенной нормы; сверх того в необходимое время огнеприпасы в количествах, достаточных для выпол-

* См. выше, стр. 137—145.

нения оперативных заданий, доставлялись в резервы огнеприпасов на фронтах из резерва главковерха, а в резервы армий — из резервов фронтов.

Так, например, для выполнения прорыва укрепленной полосы австро-германцев, намеченного весной 1917 г. на нашем Юго-западном фронте (в действительности неудачно осуществленного в июне при Керенском), приблизительный расчет огнеприпасов был произведен по директиве штабс-группы Упартом совместно с инспартом Юго-западного фронта еще осенью 1916 г. и тогда же началось сосредоточение резерва необходимых огнеприпасов, в особенности выстрелов для тяжелой артиллерии (ТАОН), в тылу Западного фронта (с целью ввести в заблуждение шпионаж противника), откуда собранный резерв огнеприпасов был скрытно переброшен в 1917 г. на Юго-западный фронт.

ВЫВОДЫ.

Положение о полевом управлении 1914 г. оказалось крайне неудовлетворительным в отношении разрешения вопроса об организации артиллерийского снабжения во время войны. Составители «Положения» совершенно недооценили того значения, какое имело боевое снабжение для успеха военных действий.

Положение внесло сумбур в работу ГАУ и в его взаимоотношения с органами артиллерийского снабжения на фронте. Деятельность центральных фронтовых и армейских учреждений по боевому снабжению, никем не объединяемая и не регулируемая, привела к крайней неравномерности в обеспечении войск артиллерийским имуществом и к несоответствию этого обеспечения оперативным заданиям.

Мобилизационного плана боевого снабжения, соображенного с оперативным планом войны, не было разработано заблаговременно; плановость в артснабжении продолжала отсутствовать и в первые 1914—1915 гг. войны, пока в Штабе главнокомандующего не был создан специальный орган (полевой генерал-инспектор артиллерии с его Управлением), взявший в свои руки артиллерийскую часть всей действующей армии.

Подводя итоги очерку о «Порядке снабжения артиллерийским имуществом в 1914—1915 гг.», приходится прийти к выводу, что должного порядка во всяком случае не существовало.

На местах — во фронтах и армиях — каждый создавал тот порядок, который ему нравился: кое-где он был лучше, кое-где хуже. Войска же верили только в своих ходоков, которые не останавливались ни перед какими преградами, доходя до самого ГАУ, а если надо, то покупали необходимые им предметы артснабжения и на рынке, в случаях, когда это было возможно. В центрах — в Ставке и в ГАУ — дело обстояло еще хуже. Первая, забрав себе распределение особенно необходимых армии предметов (огнеприпасы, винтовки, тяжелую артиллерию), раздавала их без всякого плана, запутывая и ухудшая положение со снабжением, а во многих случаях проявляя полную неосведомленность и беспомощность в артиллерийских вопросах. ГАУ, лишенное ориентировки, делило все, что добывало, между потребителями в процентном отношении, почти не задаваясь вопросами правильной организации порядка снабжения, что впрочем нельзя поставить ему в особую вину, так как все подобные вопросы были монополизированы ГУГШ, а робко поставленные перед Ставкой (хотя бы отчетами ген. Карачана и генерал-инспектора) оставались неразрешенными в свое время.

Подытоживая работу по артиллерийскому снабжению за 1916—1917 гг., произведенную Управлением полевого генерал-инспектора артиллерии, можно сделать следующие общие выводы:

1. В течение первых 3—4 месяцев Упарт в корне реорганизовал артиллерийское снабжение действующих армий, внося в него ясность и планомерность.

2. Установленный Упартом новый порядок снабжения приближал запасы артимущества к строевым частям, причем подача этого имущества войскам производилась распоряжением армейских органов снабжения; этим значительно облегчалось своевременное обеспечение войск боевым имуществом.

3. Установление разработанных Упартом норм содержания артимущества в войсках и различных запасах дало возможность определить общую потребность и соответственно ей производить заготовление предметов боевого снабжения.

4. Назревшие новые важные для армии вопросы технического характера и по организации боевого снабжения (сбор оружия, снабжение химическими, вспомогательными средствами и др.) или соприкасающиеся с артснабжением были проработаны и разрешены в определенных и ясных формах.

5. Проведены реальные меры к уменьшению бумажной волокиты и излишней формалистики и т. д.

Создание при Штабе главноверха Управления полевого генерал-инспектора артиллерии оправдалось вполне мере как в работе боевого снабжения, так и в других отношениях, — тем более, что деятельность Упарта протекала по указаниям штабаверха в соответствии с его оперативными замыслами. Отсутствие такого органа с начала войны было крупнейшей ошибкой ГУГШ, которое при разработке Положения о полевом управлении войск в военное время не предусмотрело необходимости целесообразной организации специального высшего руководства артиллерийской частью действующих армий.

Положением 1916 г. о полевом генерал-инспекторе артиллерии недостаточно ясно определялись взаимоотношения между ним, военным министром и ГАУ по вопросам боевого снабжения, в результате чего работа по артснабжению Упарта и ГАУ протекала не всегда в должной здоровой атмосфере взаимного понимания и доверия, по крайней мере в первой половине 1916 г.